

Как я стал писателем — эпизод 6

из 6

Огромный, очень высокий кабинет, огромные шкафы с книгами, огромный письменный стол, исполинская над ним пальма, груды бумаг и книг, а за столом, широкий, красивый, грузный и строгий — так показалось мне — господин, профессор, с седеющими по плечам кудрями. Это был сам редактор, приват-доцент Московского университета, Анатолий Александров. Он встретил меня мягко, но с усмешкой, хотя и ласковой:

— Ага, принесли рассказ?.. А в каком вы классе? Кончаете... Ну, что же... поглядим. Многонько написали... — взвесил он на руке тетрадку. — Ну, зайдите месяца через два...

Я зашел в самый разгар экзаменов. Оказалось, что надо «заглянуть месяца через два». Я не заглянул. Я уже стал студентом. Другое пришло и захватило — не писанье. О рассказе я позабыл, не верил. Пойти? Опять: «Месяца через два зайдите».

Уже в новом марте я получил неожиданно конверт — «Русское обозрение» — тем же полуцерковным шрифтом. Анатолий Александров просил меня «зайти переговорить». Уже юным студентом вошел я в чудесный кабинет. Редактор учтиво встал и через стол протянул мне руку, улыбаясь.

— Поздравляю вас, ваш рассказ мне понравился. У вас довольно хороший диалог, живая русская речь. Вы чувствуете русскую природу. Пишите еще.

Я не сказал ни слова, ушел в тумане. И вскоре опять забыл. И совсем не думал, что стал писателем.

В первых числах июля 1895 года я получил по почте толстую книгу в зелено-голубой — ? — обложке, — «Русское обозрение», июль. У меня тряслись руки, когда раскрывал ее. Долго не находил, — все прыгало. Вот оно: «У мельницы», — самое

то, мое

! Двадцать с чем-то страниц — и, кажется, ни одной поправки! ни пропуска! Радость? Не помню, нет... Как-то меня пришибло... поразило? Не верилось.

Счастлив я был — дня два. И — забыл. Новое приглашение редактора — «пожаловать». Я пошел, не зная, зачем я нужен.

— Вы довольны? — спросил красивый профессор, предлагая кресло. — Ваш рассказ многим понравился. Будем рады дальнейшим о-пытам. А вот и ваш гонорар... Первый? Ну, очень рад.

Он вручил мне ...во-семь-де-сят рублей! Это было великое богатство: за десять рублей в месяц я ходил на урок через всю Москву. Я растерянно сунул деньги за борт тужурки, не в силах промолвить слово.

— Вы любите Тургенева? Чувствуется у вас несомненное влияние «Записок охотника», но это пройдет. У вас и свое есть. Вы любите наш журнал?

Я что-то прошептал, смущенный. Я и не знал журнала: только «июль» и видел.

— Вы, конечно, читали нашего основателя, славного Константина Леонтьева... что-нибудь читали?..

— Нет, не пришлось еще, — проговорил я робко.

Редактор, помню, выпрямился и поглядел под пальму, — пожал плечами. Это его, кажется, смутило.

—

Теперь

... — посмотрел он грустно и ласково на меня, — вы обязаны его знать. Он откроет вам многое. Это, во-первых, большой писатель, большой художник... — Он стал говорить-говорить... — не помню уже подробности — что-то о «красоте», о Греции... — Он великий мыслитель наш, русский необычайный! — восторженно заявил он мне. — Видите — этот стол?.. Это его стол! — И он благоговейно-нежно погладил стол, показавшийся мне чудесным. — О, какой светлый дар, какие песни пела его душа! — нежно сказал он в пальму. И вспомнилось мне недавнее:

Имел он песен дивный дар,
И голос, шуму вод подобный.

— И эта пальма — его!

Я посмотрел на пальму, и она показалась особенно чудесной.

— Искусство, — продолжал говорить редактор, — прежде всего, благо-говение! Искусство... ис-кус! Искусство — молитвенная песнь. Основа его — религия. Это всегда, у всех. У нас — Христово слово! «И Бог бе слово». И я рад, что вы начинаете в его доме... в его журнале. Как-нибудь заходите, я буду давать вам его творения. Не во всякой они библиотеке... Ну-с, молодой писатель, до сви-да-ния. Желаю вам...

Я пожал его руку, и так мне хотелось целовать его, послушать
о нем,
неведомом, сидеть и глядеть на стол. Он сам проводил меня.

Я ушел, опьяненный
новым,
чувствуя смутно, что за всем этим, моим, — случайным? — есть
что-то,
великое и священное, незнаемое мною, необычайно важное, к чему я только
лишь прикоснулся.

Шел я как оглушенный. Что-то меня томило. Прошел Тверскую, вошел в
Александровский сад, присел. Я — писатель. Ведь я же выдумал весь
рассказ!.. Я обманул редактора, и за это мне дали деньги!.. Что я могу
рассказывать? Ничего. А искусство — благоговение, молитва... А во мне —
ни-чего-то нет. Деньги, во-семьдесят рублей...

за это

!.. Долго сидел я так, в раздумье. И не с кем поговорить... У Каменного моста
зашел в часовню, о чем-то помолился. Так, бывало, перед экзаменом.

Дома я вынул деньги, пересчитал. Во-семьдесят рублей!.. Взглянул на свою
фамилию под рассказом, — как будто и не моя! Было в ней что-то
новое,

совсем другое. И я — другой? Я впервые тогда почувствовал, что — другой.
Писатель? Это я не чувствовал, не верил, боялся думать. Только одно я
чувствовал:

что-то я должен

сделать, многое узнать, читать, вглядываться и думать... — готовиться. Я —
другой, другой.